

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ФЛОТА В КАМПАНИИ 1759 ГОДА

Ю. М. Попов

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 23 ноября 2016 г.

Аннотация: *раскрываются причины изменения плана военных действий русской армии, повлекшие за собой постановку новых задач флоту в кампанию этого года. Автор обращает особое внимание на исполнение союзнических обязательств между Россией и Швецией, выразившиеся в совместных действиях флотов обеих стран.*

Ключевые слова: *задачи флота, союзнические отношения, остров Узедом.*

Abstract: *the article reveals the reasons for changing the plan of military operations of the Russian Army that led to the formulation of new problems in the Navy campaign of that year. The author pays special attention to the performance of allied commitments between Russia and Swede that resulted in the joint actions of the fleet of the two countries.*

Key words: *Navy tasks, alliance, Usedom island.*

Анализируя итоги кампании 1758 г., имевшей незначительные результаты [1, с. 235], Конференция пришла к выводу, что наиболее целесообразным являлось бы ведение совместных боевых действий русской и шведской армии в Померании, что и нашло отражение в плане войны на следующий год, который был принят 20 декабря 1758 г. По плану предполагалось «ускорить занятием Кольберга... чтобы весною или первыми летними месяцами был там такой запас провианта и других потребностей, который бы отнимал всякое опасение насчет недостатка; шведов склонить к осаде Штетина и сильно помогать им при этом... Занятие Кольберга надобно почитать главным предприятием всей кампании: без него нельзя ни помогать шведам во взятии Штетина, ни армии нашей иметь в Померании надежное пропитание, ни занять там зимних квартир. Это единственный порт, чрез который можно получать все потребное...» [2, л. 142, 143]. А уже 16 января 1759 г. канцлеру М. И. Воронцову «цесарским» генерал-майором Тиллие была вручена промемория, в которой был изложен австрийский вариант плана будущей кампании [3, с. 394]. План действий русской армии, принятый Конференцией, отвергался, и вместо тесного взаимодействия со шведскими войсками австрийцы сочли за лучшее предложить свой вариант действий. Фактически русской армии предлагалось опять действовать в глубине вражеской территории, в отрыве от своих баз снабжения, имея растянутые коммуникации и надеясь только на обещанную австрийцами помощь. Австрийский план вызвал обоснованное недоумение французской стороны, увидевшей его авантюристичность.

Позиция французов выразилась в сообщении, переданном канцлеру послом Лопиталем 5 февраля 1759 г. По объективности оценки будущей кампании оно соответствовало декабрьскому решению Конференции. В нем прямо говорилось, что австрийский план не панацея и «для удобнейшего произведения в действо выгод... каждая из держав (союзниц. – Ю. П.) особенно со своей стороны действовать должна» [там же]. В результате в руководстве страны началось обсуждение этого вопроса. Всю зиму, вплоть до конца марта шла борьба за то, какой вариант плана действий выбрать. Перед принятием окончательного решения испрашивалось и учитывалось мнение всех заинтересованных лиц, прежде всего, руководства армии. Для участия в обсуждении этого вопроса в январе 1759 г. в Петербург был вызван командующий армией В. В. Фермор.

В ходе обсуждения верх взяла точка зрения, ориентированная на австрийский план. В итоге в высочайшем рескрипте от 23 марта 1759 г. был представлен принятый российской стороной новый план военных действий на предстоящую кампанию. Но несмотря на то что В. В. Фермор согласился и поддержал этот вариант, ход последующих событий позволяет сказать, что он был и остался сторонником наступления в Померании. Эта позиция командующего проходит красной нитью через всю его деятельность на этом посту вплоть до 19 июня, когда ему на смену прибыл П. С. Салтыков. Фермор, уже снятый с поста командующего армией [2, л. 38], в реляции императрице от 23 мая продолжал настаивать о необходимости «учинения знатной в Померании диверсии, которая при начатии военных операций в Силезии необходима быть видитца...» [4, с. 420]. Настойчивость Фермора не прошла даром. В окончательно утверж-

денном императрицей 3 июня 1759 г. высочайшим рескриптом плане военных действий эта тема, хотя и не стала главной, но все же нашла свое отражение. Указывалось, что проведение диверсии «полезно было бы (совместно с австрийцами. – Ю. П.), но о том... предписано быть не может, а полагаться на ваше тамо усмотрение» [2, л. 130]. Не сумев договориться с австрийцами, пользуясь тем, что он еще продолжал исполнять обязанности командующего до прибытия П. С. Салтыкова, Фермор 6 июня отправляет в Померанию на 2 недели отряд М. Н. Волконского.

Учитывая все эти факты, получалось, что руководство армии в лице Фермора не верило в успешное взаимодействие с австрийской армией и, следовательно, в положительный результат начавшейся кампании! Самым интересным было то, что в успех совместных боевых действий не верило и руководство австрийской армии, не скрывая этого, в общем-то, обоснованного взгляда на проблему и перед российской стороной. Фельдмаршал Даун высказал именно такое мнение об этом представителю командования российской армии при главной квартире австрийских войск генерал-майору И. И. Шпрингеру [4, с. 436]. Даун понимал, что командование русской армии ни на какие уступки австрийцам в плане использования своих войск в качестве вспомогательных не пойдет, а будет отстаивать собственные интересы. Что же заставило Фермора проявлять подобную двойственность – говорить одно, а делать другое – за что он, как следовало ожидать и вероятнее всего, и был смещен с поста командующего? Почему при обсуждении зимой плана кампании он поддержал пожелания австрийского двора, не являясь их сторонником? Это можно объяснить только одним – желанием угодить чьему-то мнению, причем мнению очень высокопоставленного лица. При рассмотрении перипетий, связанных с принятием нового плана кампании, нельзя не вспомнить слова А. А. Керсновского: «Жалкую роль... играла петербургская Конференция, заботившаяся лишь о соблюдении австрийских интересов и упускавшая из виду свои собственные» [5, с. 110]. Этот широко растиражированный в настоящее время эмоциональный пассаж был основан на мнении известного русского военного историка Д. Ф. Масловского, который высказывал его в ряде своих работ, посвященных Семилетней войне [6, с. 563]. Рецензируя исследование Масловского и солидаризуясь с ним, также негативно о деятельности Конференции отзывается и академик Н. Ф. Дубровин: «...главную помеху и тормозом для всех операций нашей армии была Конференция» [7, с. 12].

Но соглашаться со столь категоричным выводом и говорить о подчиненности австрийским интересам деятельности Конференции при высочайшем дворе

было бы неверно хотя бы потому, что среди ее членов были люди разных взглядов и имевшие в политике разные ориентиры, такие как, например, граф П. И. Шувалов, известный франкофил. Конференция являлась фактически совещательным органом, штабом, и все ее действия, по сути, были вторичны и реализовывали взгляды на войну, имевшиеся у императрицы Елизаветы Петровны. Наиболее наглядным примером данного утверждения становится подготовка к кампании 1759 г. «Рескрипты императрицы Елизаветы к генералу Фермору за собственноручною подписью... (что было редко) и Шпрингеру (от 3 и 5 июня 1759 г. – Ю. П.), – как замечает тот же Масловский, – где изложена воля императрицы относительно направления операций в 1759 г., то есть главные директивы, которыми должны были руководствоваться главнокомандующий... и наш... военный агент» [8, с. 7]. Именно в этих документах и отражена позиция самой Елизаветы Петровны, которая была преподнесена как проавстрийская деятельность ее сотрудников [6, с. 553]. Чтобы понять логику происходивших затем событий, необходимо остановиться на некоторых моментах размышлений императрицы, в частности изложенных для генерал-майора Шпрингера в рескрипте от 5 июня 1759 г., в котором были подняты вопросы русско-австрийских отношений [8, с. 27]. Как видно из текста, Елизавета не только не хотела ни в коем случае искать примирения с Пруссией, но ее не устраивала и перспектива участия других союзников в таких переговорах. Нежелание это было вызвано тем, что в этом случае страны, участницы переговорного процесса, вряд ли согласились бы с вхождением в состав Российской империи Восточной Пруссии или с каким-то иным использованием ее территории для пользы России. И речь в рескрипте как раз шла о том, что было бы необходимо иметь еще чью-либо поддержку для исполнения задуманного. И, как мы видим, императрица в решении этого вопроса твердо рассчитывала на помощь Австрии [9, с. 541]. Отсюда и шло ее желание присоединиться к австрийскому плану проведения кампании, поскольку она пришла к выводу, что такой шаг выгоден для России. Елизавета так объясняла Шпрингеру пути его реализации: «...последний пункт приложенного графу Фермору рескрипта есть великой же важности... желательнее, чтоб обе армии совокупно могли дать баталию, или чтоб король Прусский и одною столь побежден был, чтоб другой осталось только придти докончать победу» [8, с. 27].

Итак, решение о совместных действиях с австрийской стороной было решением самой императрицы, еще не устоявшееся в начале года и которое могло измениться зимой или весной, но в силу разных причин выкристаллизовавшееся к июню 1759 г. в твердую позицию. А, как известно, Елизавета Петровна была

весьма осторожна в принятии ответственных решений, но если она считала такой шаг верным, то неуклонно стремилась его выполнить, тем более что у нее имела высокая цель. С. М. Соловьев, говоря о том, что «преславные победы Петра Великого привели к преславному миру, главная забота дочери состояла в том, чтобы хотя несколько сравняться с отцом в этом отношении», приводит ответ императрицы австрийскому послу Эстергази: «Я не скоро решаюсь на что-нибудь, но если уже раз решила, то не изменю моего решения. Я буду вместе с союзниками продолжать войну...» [9, с. 516]. Поэтому, учитывая вышесказанное, нельзя согласиться и с Н. М. Коробковым, когда тот, справедливо увязывая произошедшее в дальнейшем изменение задач флота в зависимости от смены направления действий армии, причиной этого считает действия Конференции, которая «пошла на уступки австрийцам и согласилась на перенесение войны в Силезию» [10, с. 74]. Хотя на самом деле никакой речи об уступках не шло, а главным, как мы видим, была заинтересованность самой Елизаветы Петровны в таком развитии событий.

Принятие высочайшего рескрипта 23 марта 1759 г. вовсе не означало, что новый план принят безоговорочно. Споры продолжались, поскольку декабрьский план боевых действий в Померании обладал рядом достоинств. Полагать, что Елизавета Петровна не понимала этого, неверно. Просто императрица была внутренне согласна с предложением австрийской стороны о проведении совместных операций в Силезии. Исходным пунктом ее размышлений являлось осознание необходимости в поддержке Австрией полученных в ходе боевых действий выгодных для России результатов войны и последующего их закрепления.

Кроме того, имелись и сомнения в боевых возможностях шведских войск. Повод для этого давали сами шведы неудачными действиями своей армии в 1758 г. В записке, переданной в Конференцию в мае 1759 г., представителем шведской стороны генералом Ливеном указывалось, что совместная кампания русско-шведских войск начаться сразу с осады Штеттина не сможет ввиду необходимости предварительной подготовки для ее успеха со стороны шведов [2, л. 65]. В высочайшем рескрипте от 21 мая 1759 г. шведская сторона на это заявление получила окончательный ответ, где уже прямо было сказано, что русская армия будет действовать в этом году по плану австрийцев («дело может решиться в Силезии») и поэтому Штеттин можно будет взять с меньшими потерями. Далее шведам предлагалось привести собственную армию в надлежащее боевое состояние и самостоятельно вести осаду. В случае необходимости твердо обещалось оказание соответствующей помощи [там же, л. 67]. Но действовать самостоятель-

но у Штеттина без поддержки русской армии шведы не рискнули, и уже позже, летом, посланник в Швеции Н. И. Панин докладывал в Петербург, что шведская армия до июля находилась в Штральзунде, далеко от города не отходила и в контакт с неприятелем не вступала [9, с. 505]. Несмотря на заверения российской стороны, что отход от плана обоюдных действий вызван необходимостью для обеих сторон, шведы могли расценить такой шаг как нежелание соблюдать недавно возобновленный трактат [11, с. 229] о взаимопомощи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В связи с этим возрос политический аспект деятельности флота на Балтике как инструмента взаимодействия, на который возлагались особые задачи – наглядного примера выполнения оборонительного союза российской стороной с целью демонстрации решимости ни в коем случае не отходить от взаимных обязательств, продекларированных в вышеуказанном трактате. Весьма вовремя (в разгар обсуждений выбора направления наступления), а в случае принятия австрийского плана и соответственного прекращения непосредственного боевого взаимодействия со шведами в Померании, в Коллегию иностранных дел поступил на согласование шведский вариант предполагаемой к заключению конвенции о взаимодействии флотов обоих государств по защите торгового мореплавания на Балтике. Документ был передан в Конференцию, и практически сразу, 2 марта 1759 г., было вынесено положительное решение: «...поданной нам от оной коллегии на рассмотрение контрапроект конвенции, заключенный с Шведским двором о безопасности Балтийского моря, мы разсматривали, и находя оной совершенно сходным с нашим интересом, во всем апробуем и повелеваем оную со шведским двором постановить» [2, л. 29]. Как нельзя своевременным оказалось появление этого документа в контексте событий, связанных с изменением плана военных действий. И заключалось оно в поддержании впечатления постоянства и непрерывности курса Конференции, взятого на всемерное взаимодействие со своим шведским союзником. И уже через неделю, 9 марта, в Петербурге «через полномочных министров: Российскаго Канцлера Графа Воронцова и Шведскаго Чрезвычайнаго... Посланника Барона Поссе» конвенция была заключена. Но основной направленностью этого документа, имевшего название «О содержании обоюдных флотов на Балтийском море для защищения торгов и кораблеплавания от каперов», было рассмотрение противодействия некоей стране, под которой подразумевалась Англия, если бы та «отправила в оное море военные свои корабли или каперов... ко вреду всех...» [11, с. 324]. Ведение боевых действий по первоначальному плану в Померании, осада Кольберга и дальнейшие опера-

ции у Штеттина подразумевали непосредственное участие обоих флотов – российского и шведского.

11 декабря 1758 г. Конференция получила доклад из Адмиралтейской коллегии, что в прошлую кампанию многие корабли из-за сильных штормов были повреждены, поэтому весь флот по вскрытии воды выступить в поход не сможет ввиду необходимости их длительного ремонта. Рескриптом от 31 декабря 1758 г. Конференция потребовала от Адмиралтейской коллегии «все силы и старания употребить, чтоб те корабли, кои большой починки не требуют... по первом вскрытии воды в море выступили», а остальные ремонтировать как можно скорее, чтобы и они приняли участие в кампании. Требовалось и построенные в 1758 г. в Петербурге корабли срочно перевести в указанное время в Кронштадт и оснастить для той же цели [12, с. 445]. 11 января 1759 г. состоялся высочайший указ о поручении Ревельской эскадры вице-адмиралу А. И. Полянскому с требованием немедленного его отправления в Ревель, чтобы «наилучше все исправить мог, что к скорейшему выступлению... эскадры служить может» [13, л. 1]. Экстренные меры были предприняты и в подготовке к выходу в море главных сил флота из Кронштадта. Напряженность в подготовке кораблей к выходу в море не ослабевала на протяжении всей зимы и весны 1759 г. В ряде высочайших указов в адрес Адмиралтейской коллегии в это время постоянно подчеркивалась необходимость быстрейшего выхода в море. Например, в высочайшем указе от 5 апреля 1759 г.: «А между тем крайне о том стараться надлежит, дабы главный кронштатский флот приведен был в готовность и ранее отправиться мог» [12, с. 485]. Поскольку в апреле российское руководство уже определилось с новым главным направлением похода армии в сторону от побережья, то изменение плана кампании влекло с этого времени и необходимость изменения планов использования флота на гораздо менее интенсивный, хотя и требовавший участия обеих сторон.

Итак, принятие 3 июня окончательного плана военных действий для русской армии повлекло за собой и кардинальное изменение плана кампании флота, представленного Адмиралтейской коллегии в высочайшем указе от 9 июня 1759 г. [13, л. 22]. Отпала необходимость участия флота в боевых действиях у берегов Померании, в связи с чем было признано целесообразным нахождение в море только одной Ревельской эскадры. Срок выхода главных сил из Кронштадта сразу же был сдвинут из-за привлечения ряда кораблей к перевозке пополнения в количестве 3000 человек для зарубежной армии вместе с «двухнедельным толком правянтном и полковою артиллерию».

Такое изменение плана кампании неизбежно повлекло за собой снижение боевого напряжения флота.

Поскольку необходимость использования главных сил флота в полном объеме отпала, то в череде последовавших после 9 июня в адрес Адмиралтейской коллегии указов предписывалось проведение мероприятий, сутью которых являлась экономия ресурсов – людских и материальных. Уже в самом указе от 9 июня, кроме постановки задач, отмечалась целесообразность такого шага. В связи с этим от Адмиралтейской коллегии было потребовано представить в Конференцию список всех флотских и адмиралтейских служащих с указанием их расхода. Началось перераспределение оставленного в Кронштадте и Петербурге личного состава флота с целью его рационального использования в многочисленных работах и для исполнения разного рода служебных заданий. В создавшейся ситуации проведение перечисленных мероприятий – перевозка кораблями флота пополнения для армии, грузов, участие личного состава в различных работах было наиболее целесообразно. Но такая существенная перемена в направлении деятельности главных сил и связанное с этим резкое ослабление напряженности в боевой готовности имели и отрицательную сторону. Использование флота в таком режиме фактически мирного времени объективно вело к снижению психологической устойчивости личного состава и готовности выполнять боевые задачи.

Как же проходила сама кампания? Ввиду малого числа новых задач, поставленных флоту в указе, можно было бы ограничиться ссылкой на мнение Н. М. Коробкова. В силу особенностей своего исследования в рассказе о кампании 1759 г. автор был чрезвычайно лапидарен и в описании действий флота ограничился кратким изложением внешней канвы событий: «Крейсерство, захват немногочисленных каперов, блокада и перевозка войск и грузов далеко не использовали, конечно, возможностей флота, и, таким образом, значительная часть русских военноморских сил в кампании 1759 года фактически осталась в бездействии» [10, с. 75]. Но один важнейший аспект деятельности флота в эту кампанию в таком случае остается нераскрытым. И этот аспект – политический, он касался поддержания союзнических отношений между Россией и Швецией [15], а именно соблюдения оборонительного трактата между двумя странами, о котором было упомянуто выше. Поэтому вопрос, связанный с проведением кампании, требует более подробного рассмотрения. Кампания для флота началась с выводом на рейд 27 апреля 1759 г. кораблей Ревельской эскадры, а уже на следующий день на них был проведен депутатский смотр на предмет готовности к выходу в море. Вечером 2 мая эскадра в составе кораблей «Северный орел» (под флагом вице-адмирала А. И. Полянского), «Ревель» и 32-пушечного фрегата вышла в море. Несколько ранее для

выполнения различных заданий командования, связанных с конвойной службой, из Ревеля ушла часть кораблей [13, л. 17]. В июне-июле эти корабли, выполнив задачи по охранению, присоединились к эскадре. 12 мая, когда эскадра пришла на Гданьский рейд, здесь уже находился ожидавший ее шведский фрегат. И через пять дней его командир был вызван к Полянскому, где, судя по последующим событиям, получил от вице-адмирала сообщение о дальнейшем пути следования и планах совместных действий, после чего фрегат поднял паруса и убыл с рейда на соединение со своими кораблями. 19 мая эскадра Полянского в прежнем составе из трех выпелов также ушла с рейда в западном направлении. Курс был проложен в соответствии с высочайшим указом от 20 апреля 1759 г. [там же]. Во время следования корабли останавливали все мимо идущие суда, на которых проводился соответствующий опрос [12, с. 499]. Пройдя мимо Кольберга, 27 мая эскадра подошла к острову Узедом и бросила якоря у Свензундского устья (устье реки Свены, ныне Свиноуйсьце) рядом с входом в Штеттинский (Щецинский) залив. Расположение кораблей в этом месте было наиболее выгодно, поскольку оно позволяло не только перекрыть вход и выход из устья реки Одер, но и фактически блокировать все судоходство в этом заливе. Тем самым выполнялась часть указа, требовавшая от Полянского закрыть устье реки Одер одним или несколькими кораблями. Выполнять это распоряжение Полянский оставил корабль «Ревель» и фрегат, а сам на «Северном орле» убыл 30 мая в крейсерство к померанским берегам, имея в виду дальнейшую встречу с Кронштадтской эскадрой. 5 июня корабль пришел на гданьский рейд, откуда Полянским был отправлен рапорт в Адмиралтейскую коллегию о сложившейся на тот момент ситуации: «...сего числа пришел... для искания флота... из Кронштата, также и порученной мне... эскадры кораблей... которым от меня рандеу дан был... того флота ни тех кораблей при данцигском рейде не имеется» [там же, с. 489].

3 июня императрицей был окончательно утвержден новый план военных действий. Тем самым был предрешен и новый план использования флота в эту кампанию. К моменту ухода с Гданьского рейда Полянскому уже было известно об этом. Но в любом случае все последующие действия флота должны были осуществляться совместно со шведами. Поэтому, получив соответствующие сведения от Полянского, с рейда на соединение со своим флотом убыл шведский фрегат, выполнявший задачи связи между двумя эскадрами. А 12 июня после возвращения «Наталии» оба наших корабля вышли в море в направлении к Узедому. У Кольберга корабли расстались – «Наталия» была оставлена в крейсерстве, а «Северный орел» продолжил свой путь к Свензунду, а утром

17 июня стала видна «у Свензунта стоящая шведская эскадра в шести кораблях (четыре корабля и два фрегата. – Ю. П.) и с ними наш корабль Ревель и фрегат 32-пушечной» [14, л. 10]. Вечером 18 июня, после того как «Северный орел» бросил якорь, с него «спустили 12-весельную... шлюбку на воду... ездил от нас на шведской вице-адмиралской карабль наш командующий. Також и от них... командующий приезжал к нашему главному командиру над эскадрою (Полянскому. – Ю. П.)» [там же]. К моменту встречи Полянского со шведским вице-адмиралом Лагер-Бьелке стали известны и новые планы кампании. И уже на следующий день, 19 июня, обе эскадры «пополудни в 2 часа... снялись с якоря» и приступили к их выполнению [там же, л. 11]. С этого момента кампания на море вступила в новую фазу – совместных действий двух флотов.

В связи с этим следует отметить и такое немаловажное обстоятельство, как взаимодействие различных институтов государства, имевших непосредственное отношение к выполнению поставленных флоту задач. Это касалось прежде всего деятельности Коллегии иностранных дел, которая постоянно отслеживала те или иные сведения, поступавшие в ее адрес из-за рубежа, и в частности донесения послов в различных странах Европы, представлявшие интерес и для адмиралтейской коллегии. 14 мая ее члены были ознакомлены с полученной накануне копией реляции от чрезвычайного посла в Лондоне князя Голицына. Сообщалось, что со стороны прусского короля ведутся переговоры с англичанами о выделении нескольких кораблей, один из которых был 40-пушечным, «которые употреблены быть имеют каперами под прусским флагом для поисков в Балтийском море» [12, с. 515]. Было предположено, что эти корабли из-за скорого появления в проливе Зунд русско-шведской эскадры попытаются пройти в Балтику другим путем – через Бельт (Большой и Малый Бельт, Фемарн-Бельт). А поскольку в находящийся рядом с этим проливом порт Любек должны были регулярно ходить российские пакетботы для обеспечения почтовой связи, то в этом случае для них являлась значительная опасность. Об этом было доложено императрице. В соответствии с ее решением 24 мая на заседании адмиралтейской коллегии было «велено к находящемуся в море с эскадрою вице-адмиралу Полянскому отправить два пакетбота, те которые в нынешнее лето ходить имели б до Любека, ибо на нынешний год довольно, чтоб пакетботы ходили только до Данцига...» [там же, с. 516]. Все эти сведения были сообщены командующему эскадрой. 25 мая в Адмиралтейской коллегии была заслушана очередная промемория из Коллегии иностранных дел, в которой речь шла о проходе голландских купеческих судов под охраной своего фрегата в Штеттин и другие

померанские гавани, о чем сразу же был послан соответствующий указ Полянскому для принятия своевременных мер [там же]. А 28 июня коллегия иностранных дел сообщила, что «15 пушками и военною амунициею нагруженных судов из Стаде в Тоннинген пошли, а из сего места... сухим путем... до лежащих при Балтийском море гаваней, где находятся во ожидании суда... из Штетина для забрания и отвоза в тамошнюю крепость» [там же, с. 521]. Это сообщение также было незамедлительно отправлено на эскадру к Полянскому. Благодаря получению подобной информации командующий эскадрой мог принимать оперативные меры по противодействию замыслам противника.

Объединенная русско-шведская эскадра, пройдя вдоль померанских берегов, с 23 по 29 июня лавировала между Кольбергом и островом Борнхольм. А 30 июня корабли этой эскадры «полуночи 8.30... пришед ко городу Карлсгамну» [14, л. 13]. До 13 июля эскадра находилась на рейде Карлсгамна, после чего корабли вышли в крейсерство. Корабли дошли до Борнхольма, а затем повернули к острову Эланд. Здесь произошло усиление объединенной эскадры: 16 и 18 июля к ней присоединились корабли «Астрахань» и «Варахаил». До 19 июля корабли стояли у южной оконечности этого острова, после чего вновь совершили переход к Карлсгамну, куда и прибыли, как следовало из рапорта вице-адмирала Полянского, 21 июля [12, с. 491]. В этот же день «Варахаил» пошел в дозор к Готланду для встречи эскадры, перевозившей войска из Кронштадта в Гданьск, а корабль «Наталия» был послан к Свензунду для смены дежурившего там «Ревеля». Причина смены была более чем существенна: «Ревель» являлся госпитальным кораблем, и к этому времени на нем находилось уже 200 больных цингою. По приказу командующего он был срочно направлен в Гданьский залив для организации берегового госпиталя и перевода туда больных. Это указание было выполнено строго в соответствии с высочайшим рескриптом от 18 июня 1759 г., в котором, кроме всего, российскому представителю (резиденту) в Гданьске А. С. Мусину-Пушкину было предписано «как в высаживании войска на берег, так и в других имеющихся нуждах всевозможное вспомоществование чинить». Но перед тем, как начать высадку, командующему флоту с его помощью заранее было нужно определиться с местом ее проведения, а «пред сим со флота нашего больные и для присмотра за ними потребныя команды также высаживаемы были» [13, л. 23]. Следует отметить, что во время этой и прошлых кампаний между моряками обоих флотов, русского и шведского, установились достаточно тесные отношения сотрудничества, обусловленные необходимостью взаимодействия при выполнении поставленных задач. Этому способство-

вали как дипломатические усилия российского внешнеполитического ведомства, так и несомненные способности А. И. Полянского в области налаживания контактов. По его приглашению шведы неоднократно посещали флагманский корабль. Это происходило во время стоянки как на Свензундском рейде, так и у острова Борнхольм 29 июня в тезоименный день великих князей Петра Федоровича и Павла Петровича, когда «с русской эскадры палили из 31 пушки, а с шведской из 32 пушек». Не стало исключением и 30 июля, когда по приглашению Полянского офицеры шведской эскадры во главе со своим командующим, вице-адмиралом Лагер-Бьелке, посетили «Северный орел». В честь прибытия гостей «было выпалено из 95 пушек, а при их отбытии из 9 пушек» [12, с. 500]. Не оставались в долгу и шведы. Такие визиты, несомненно, помогали налаживанию отношений и взаимопониманию.

2 августа на Карлсгамнский рейд вернулся «корабль Варахаил, который крейсировал у острова Готланд для смотрения идущей эскадры из Кронштадта». Командир корабля передал А. И. Полянскому рапорт от возглавившего в эту кампанию Кронштадтскую эскадру контр-адмирала Н. Г. Лопухина, «что он отправляется из Кронштадта в скором времени к Данцигу для отвоза сухопутнаго войска и везет с собою... морской провизии» [там же, с. 492] для ревельских кораблей. К этому времени здесь было собрано большинство кораблей Полянского. Кроме прибывшего, на рейде находились «Северный орел», «Астрахань», фрегаты «Россия», «Крейсер» и 32-пушечный, а также пакетбот «Курьер». На следующий день объединенная эскадра снялась с якоря и направилась к берегам Померании. 5 августа эскадра разделилась: русские корабли взяли курс на мыс Гель (ныне Хель) и 6 августа бросили якоря на Гданьском рейде. До этого дня за все время нахождения в море на кораблях Ревельской эскадры умерло от болезней 115 человек. Вечером этого же дня сюда пришли и корабли из Кронштадта, начавшие переход 25 июля «пополуночи в 8 часу», после приема войск в количестве 3022 человек, снаряжения и провизии. Утром контр-адмирал Лопухин ездил в Гданьск для встречи с российским представителем, который указал место высадки войск – в канале у Оливского монастыря. 12 августа войска были свезены на берег. Также с кораблей были свезены в береговой госпиталь и заболевшие в это время служители. По приказу Полянского вместо заболевших и умерших на Ревельскую эскадру были определены служители с пришедших из Кронштадта кораблей [там же, с. 523]. Вместе с привезенной провизией на корабли, оставшиеся с Полянским, были переданы и различные необходимые материалы, а также восполнено требуемое число шлюпок. Кроме этого, в состав Ревельской

эскадры был назначен в качестве флагманского корабль «Полтава» ввиду изношенности и ветхости «Северного орла». 23 августа флот вышел с рейда к мысу Гель, а оставленные на рейде фрегат «Крейсер» и пакетбот «Курьер» должны были обеспечивать работу берегового госпиталя. 24 августа эскадры разделились – Лопухин повел свои корабли обратно и 5 сентября они бросили якоря на Кронштадтском рейде. Задачу своей эскадры А. И. Полянский изложил в рапорте Адмиралтейской коллегии в день выхода: «Я же с порученною мне эскадрою отправляюсь для крейсерства в море к померанским берегам... имею быть с оною и в Свинзунтском устье, ибо по полученным ведомостям, шведская армия чинит там некоторые благополучные прогрессы островам Узедомом, и быв там несколько дней, имею возвратиться на данцигский рейд» [там же, с. 492]. Но к Свензунду Полянский не пошел, поскольку необходимые сведения о состоянии дел у Узедома доставил 32-пушечный фрегат, отправленный туда еще 12 августа. В начале месяца, 3 сентября, эскадра вернулась на Гданьский рейд. К этому времени Полянскому стали известны высочайшие указы от 19 и 20 августа. Указами предписывалось весь флот ввиду наступления осени возвратить в места базирования, причем это решение было поддержано и шведской стороной [13, л. 28, 29]. В указе от 19 августа говорилось: «О сем... сообщено от нас шведскому двору, который потому и своей эскадре немедленно домой идти велит; но ежели б между тем указ о том к шведскому вице-адмиралу еще не дошел, то имеет наша Адмиралтейская коллегия вице-адмиралу Полянскому предписать, чтоб он при разлучении с шведскою эскадрою командиру той знать дал, что сие чинится вследствие желания его двора и что потому и он к своим портам возвратиться может». Поэтому для передачи этого распоряжения командующему шведской эскадрой, которая находилась в это время у Свензунда, прямо с рейда 32-пушечный фрегат был вновь отправлен в море [12, с. 501].

Что же происходило в это время у входа в Штеттинский залив? Для блокирования входа с 24 июля на Свензундском рейде находился корабль «Наталия». Здесь же был и один шведский фрегат. Сюда 11 августа «в 1 час пополудни» пришел отряд шведских кораблей – два корабля, один из которых являлся бомбардирским, фрегат и два прама. Все эти силы предназначались для участия в штурме острова Узедом, на котором находились прусские береговые батареи, державшие под прицелом вход в залив. Узедом – аванпост Штеттина, и без захвата острова нельзя было проводить в дальнейшем осаду и штурм этой крепости. Поэтому шведы решили высадить свои войска на остров и взять под контроль вход в залив. Боевые действия шведские корабли начали днем

13 августа, когда один из фрегатов, снявшись с якоря, начал движение к проливу и открыл стрельбу по береговым батареям на острове. Начали стрелять прама и второй фрегат [14, л. 70]. Батареи открыли ответный огонь. С этого дня шла постоянная дуэль между батареями и шведскими кораблями. Корабль «Наталия» был готов огнем своих орудий поддержать шведов. И 21 августа он также снялся с якоря и подошел ближе к проливу. 23 августа на «Наталии» стало известно о взятии Узедома, но высотная батарея, расположенная на близлежащем холме, была подавлена лишь 8 сентября [там же, л. 71]. В этот же день сюда прибыл 32-пушечный фрегат, доставивший сообщение для шведской эскадры, которая подошла к острову 11 сентября. Через четыре дня все шведские корабли покинули рейд и ушли в свою базу. Вместе с ними ушел и корабль «Наталия», взяв курс на Ревель. Следивший за входом в залив 32-пушечный фрегат ушел отсюда только 19 сентября. В Ревель готовились перейти и корабли, стоявшие в Гданьском заливе. Береговой госпиталь расформировывался, выздоровевшие служители возвращались на свои корабли, туда же перевозилось и снятое оборудование. Оставшихся больных служителей для дальнейшей эвакуации в Ревельский госпиталь перевозили на фрегат «Крейсер» и пакетбот «Курьер», которые вышли 11 сентября в море. Оставшиеся корабли эскадры Полянского – «Полтава», «Варахаил», «Северный орел» и фрегат «Россия» 15 августа также начали движение к Ревельскому порту [12, с. 501].

Но с возвращением эскадры кампания для нее не закончилась. В Ревеле Полянского ждал высочайший указ о необходимости перевоза в Гданьск еще одного контингента сухопутных войск. В соответствии с указом для этой цели были назначены корабли «Ревель», «Варахаил» и новопостроенный 54-пушечный, прибывший из Архангельска, фрегаты «Крейсер» и «Россия», а также пинки «Лев», «Единогорг» и гальот «Тонеин». Приняв 1200 человек и необходимые запасы, отряд под командой командира «Ревеля» капитана Секерина 4 октября снялся с якоря и начал выходить с рейда. Но из-за противного ветра выход был задержан до 13, а затем до 19 октября. Из-за неисправностей оба фрегата не смогли принять участие в выполнении задачи и были оставлены в базе. Дальнейший переход отряда, полный драматизма и напряжения, проходил в условиях постоянных осенних штормов и низких температур. Из-за плохой видимости и снежных зарядов корабли были вынуждены разойтись и самостоятельно добираться до Гданьска. В течение 24–29 октября по мере их прибытия шла выгрузка и перевозка войск на берег, а 31 октября отряд отправился в обратный путь. Но и в этот раз, несмотря на ухудшившиеся погодные условия, потерь не было – корабли вернулись в Ревель 7 ноября, а

13 – транспортные суда: «...прибыли обратно благополучно и в гавань вошли и разоружаются» [там же, с. 526].

Итак, подведем некоторые итоги.

1. Рассмотрев ход кампании на море, можно с полной определенностью сказать, что после смены направления наступления армии основной задачей российского флота стала демонстрация выполнения союзнических обязательств и оказание помощи шведам в защите их судоходства от предполагавшихся атак прусских каперов. Как оказалось, каперы в Балтийском море в это время не действовали, но совместное патрулирование кораблями обоих флотов мест их вероятного появления проводилось регулярно. Ведение блокадных действий ввиду низкой интенсивности судоходства у берегов Померании потребовало минимальных затрат сил флота. В разное время блокаду периодически осуществляли одиночные корабли, фрегаты и пакетботы.

2. Наиболее существенной задачей для флота явилось использование части корабельного состава для решения транспортных задач – перевозки грузов и войск для пополнения зарубежной армии. Деятельность флота в таком режиме способствовала значительной экономии сил и имевшихся у него ресурсов.

3. Но наряду с положительной стороной у данного вопроса имелся еще один значительный, хотя и завуалированный, не бросающийся в глаза аспект, значение которого трудно переоценить. Резкое снижение боевого напряжения флота, произошедшее после длительной, многомесячной подготовки всех его сил к предстоящей кампании и ведению боевых операций, несомненно, оказало расслабляющий эффект на морально-психологическое состояние личного состава. А это вело, прежде всего, к снижению его готовности к участию в боевых действиях и устойчивости в бою.

4. Ведение боевых действий на этот раз выпало шведскому флоту, часть кораблей которого, уничтожая своим орудийным огнем береговые укрепления противника, принимало непосредственное участие в захвате островов Узедом и Волин. Захват этих островов позволил поставить под контроль союзников морские подступы к Штеттину, тем самым осуще-

ствить предварительную подготовку для его штурма, что собственно и предлагалось Конференцией осуществить шведской стороне самостоятельно. По времени проведения и по количеству участвовавших кораблей эта операция явилась самой напряженной частью кампании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков А. Н. Семилетняя война 1756–1763 / А. Н. Кочетков // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – М., 1976. – Т. 23. – Стб. 693.
2. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 38.
3. Бумаги государственного канцлера графа М. Л. Воронцова // Архив князя Воронцова : в 40 кн. – М., 1873. – Кн. 6.
4. Семилетняя война. Материалы о действиях русской Армии и Флота 1756–1762 гг. – М., 1948.
5. Керсновский А. А. История русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. – М., 1992. – Т. I.
6. Русская армия в Семилетнюю войну – Вып. III. – Приложения. – М., 1891.
7. Дубровин Н. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Сочинение генерального штаба генерал-майора Масловскаго / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1891.
8. Русско-австрийский союз 1759 г. Документы, собранные генерального штаба полковником Масловским. – М., 1887.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1964. – Кн. XII, т. 23–24.
10. Коробков Н. М. Русский флот в Семилетней войне / Н. М. Коробков. – М., 1946.
11. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. XV.
12. Материалы для истории русского флота : в 17 ч. – СПб., 1883. – Ч. X.
13. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). – Ф. 227. – Оп. 1. – Д. 14.
14. РГА ВМФ. – Ф. 870. – Оп. 1. – Д. 686.
15. Попов Ю. М. Некоторые аспекты взаимоотношений России и Швеции и взаимодействие военно-морских сил этих стран во время Семилетней войны / Ю. М. Попов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы 7-й ежегод. Междунар. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 184–186.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Попов Ю. М., кандидат исторических наук, капитан I ранга, преподаватель

E-mail: bars9713@rambler.ru

Тел.: 8-905-052-93-92

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

Popov Yu. M., Candidate of Historical Sciences, 1st Rank Captain, Lecturer

E-mail: bars9713@rambler.ru

Tel.: 8-905-052-93-92